

Попова Н.П.

Гронинген, Нидерланды

**В РОССИИ ПОЯВЛЯЮТСЯ
НОВЫЕ ШТОЛЬЦЫ...: О МИФОЛОГЕМЕ
ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Цель данной статьи – показать связь мифологемы героя средств массовой информации с героем художественной литературы. В современном узусе русский немец Штольц, герой романа «Обломов», становится все более востребован. Используя теоретические положения этнолингвистики, мы выделили три семантических профиля данного антропонима. Штольц используется в современном дискурсе для описания и оценки – положительной и отрицательной – происходящих социальных и политических изменений в российском обществе.

Ключевые слова: мифологема героя, дискурс средств массовой информации, литературный герой, Штольц, языковой стереотип немца, семантические профили антропонима, концептуализация.

Сведения об авторе: Попова Наталья Полиэфтовна, кандидат филологических наук, аспирант кафедры славянских языков и культур.

Место работы: Государственный университет г. Гронинген (Нидерланды).

Контактная информация: Pastoor Michielsensstraat 10, Mortsel 2640, Belgium.

E-mail: n.p.popova@hotmail.com

Popova N.P.

Groningen, Netherlands

**NEW STOLZES APPEAR IN RUSSIA ...:
A MYTHOLOGEME OF A CHARACTER
IN CONTEMPORARY MASS MEDIA DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Abstract. The main issue of this paper is to prove the relation between the mythologeme of a character in contemporary mass media discourse and a literary character in a classic novel. Many authors in mass media have been referring recently to Stolz, Russian German, character of the classic novel «Obломov». Applying the theoretical scope of ethnolinguistics, three semantic profiles of the anthroponym Stolz are defined. Stolz is used to describe and evaluate in both senses – positively and negatively – current social and political changes in Russian society.

Key words: a mythologeme of a character, mass media discourse, character of literary classics, Shtolz, language stereotype of a German in Russian, semantic profiles of anthroponym, conceptualization.

About the author: Popova Natalia Polieftovna, Candidate of Philology, Doctoral Student at the Department of Slavic languages and Cultures.

Place of employment: State University of Groningen (The Netherlands)

Массовое сознание рассматривается в современной культурологии и философии как сознание глубоко мифологизированное [Мелетинский 1998, Неклюдов 2000]. Миф о герое «придает смысл индивидуальному существованию «массового человека», создавая для него некие «идеальные» образцы поведения и тем самым оправдывая в его глазах навязываемые ему извне стереотипы поведения. Иными словами, роль мифологемы героя состоит в адаптации человека массового общества к существующему порядку» [Туркина 2001: 2]. Связь мифологемы героя с искусством наиболее наглядно предстает на примере исторических событий [Шенк 2001, Велижев, Лавринович 2003]. «Не существует реальности, называвшейся «1812 год», – пишет Б. Парамонов, – исчезла в дурной бесконечности хронологических количеств, ничего живого не осталось. Существует Лев Толстой с «Войной и миром». Точно так же начинает исчезать тема коммунизма, заменяясь темой «Андрей Платонов»... Как нет для нас иного Наполеона, кроме толстовского, так и Сталин не существует более вне платоновских миров и войн» [Парамонов 2003: 128]. В свою очередь, вымышленные герои художественной литературы могут приобретать исключительную социокультурную значимость и порождать определенную «модель жизни» (ср. такие явления, как гамлетизм, донкихотство, вольтерьян-

ство [Вожди умов и моды... 2003]). По мнению Г. Хазагерова, сфера литературных, исторических, фольклорных и религиозных персонажей в рамках национальной культуры может рассматриваться как совокупность концептов – персоносфера. «... За объектами персоносферы стоит нравственно-психологическое содержание нашей картины мира. Поэтому именно персоносфера выступает главным инструментом социальной идентификации и самоидентификации, системой социальных координат. ... Все персонализированные идентификаторы («истинный русский», «настоящий христианин», «подлинный ученый») вторичны по отношению к персоносфере, являются ее обобщениями. В социологическом плане важно, что к этим обобщениям люди приходят в результате ориентации на разные персонажи» [Хазагеров: www].

Пристальное внимание критики и рядового читателя к роману И.А. Гончарова «Обломов» на протяжении всего времени его существования может быть обусловлено тем, что он в разные эпохи обнаруживал «горячие точки соприкосновения с современностью» (М. Отрадин). Современный исследователь так характеризует социальную значимость романа: «Гончаровское открытие — «обломовщина» (в его социальной интерпретации) помогло русской общественности в 60-е годы прошлого века осознать пороки

прошлого и решиться отринуть негативное наследие. В наши дни оно в категориях менталитетных достойно включения в число таких понятий, которыми оперирует не одна литературная критика, но и газетно-журнальная публицистика, всерьез озабоченная Миссией Возрождения страны» [Краснощекова 1997: 356].

Роман Гончарова «Обломов» можно отнести к разряду прецедентных текстов русской культуры. Обращение к роману может носить не только осознанный характер, который находит свое воплощение в различных жанрах искусства (например, художественный фильм «Несколько дней из жизни Ильи Ильича Обломова» режиссера Н. Михалкова, пьеса «Обломов» М. Угарова и ее многочисленные инсценировки или «Обломовский фестиваль» (г. Ульяновск)), но и «стихийный» характер – отсылки к роману в публицистическом дискурсе и в многочисленных жанрах интернет-коммуникации. Употребление имен главных героев романа «Обломов» в публицистическом дискурсе свидетельствует об их участии в механизмах концептуализации актуальных событий, интенсивность интертекстуальных включений усиливается благодаря современным средствам массовой коммуникации. Традиционно только имя главного героя привлекало к себе исследовательский интерес [см. Лихачев 1997, Гудков 1999, Сергеева 2003, Шюманн 2003], однако сегодня имя другого героя романа – Штольца – приобретает культурно-социальную значимость. Художественное произведение – «Обломов» – предстает как целостный культурный знак, который используется носителями русской культуры для интерпретации внелитературной действительности.

Подходя к интересующему нас явлению с позиции его языкового статуса, мы оказываемся перед дилеммой, которая еще не нашла однозначного решения, а именно – семантического статуса имени собственного, используемого в процессах вторичной номинации [Бартминьский 2005, Березович 2002, Отин 2003, Русское культурное пространство ... 2004]. Для интерпретации семантики обозначенных лексических единиц Е. Бартминьский предложил использовать понятие когнитивной дефиниции и профилирования (профиля). Главная цель когнитивной дефиниции, согласно этнолингвистическому подходу, заключается в том, чтобы «ответить на вопрос о способе восприятия предмета говорящими на данном языке, то есть о закреплённом в обществе и доступном через язык и употребление языка способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках» [Бартминьский 2005: 55]. В определении Е. Бартминьского, «профилирование является субъективной (т.е. имеющей своего субъекта) языковой и понятийной операцией, заключающейся в своеобразном формировании образа предмета посредством восприятия его в определенных аспектах, таких, как, например,

происхождение, свойства, внешний вид, функции, события, переживания и т.п.» [Бартминьский 2005: 106]. Понятие аспект используется для обозначения однородных комплексов признаков, приписываемых предмету в толковании. Таким образом, профиль образа предмета, – это свойство закреплённого за предметом представления (стереотипа), состоящее, с одной стороны, в своеобразном отборе и структурировании аспектов, в которых истолкован предмет; с другой стороны, оно зависит от типа относящихся к этим аспектам конкретных качественных характеристик [Бартминьский 2005: 48-53].

Наблюдение над бытованием антропонима *Штольц* в современном общественно-публицистическом дискурсе позволило прийти к выводу, что семантические признаки, образующие содержательную сторону рассматриваемого антропонима, могут быть профилированы различными способами. Особенности семантизации имени *Штольц* современниками позволили выявить три профиля и связанные с ними точки зрения. *Штольц* может употребляться для обозначения определенных качеств личности («внутренний Штольц»), может выражать амбивалентную оценку (семантические профили «положительный Штольц» и «отрицательный Штольц»).

В профиле «внутренний Штольц» антропоним является отсылкой к «инварианту восприятия романа» (Д.Б. Гудков), кроме этого пишущие используют его для обозначения социальных, психологических, бытовых характеристик личности или целого народа. Сохраняющие связь с романом, антропонимы *Штольц* и *Обломов* в таком употреблении приближаются к словам-символам, призванным вместить в себя все определения и атрибуты русского и немецкого «национального характера». Ср.: «К окончанию праздничного вечера сложно уже было понять, где подданные России, а где – Германии. На этом летнем празднике и *Обломов*, и *Штольц* говорили на одном языке, и прекрасно понимали друг друга» (Культура № 25. 2003). «Западный человек считает, что ему необходимо некоторое усилие, чтобы стать человеком в подлинном смысле слова, как образом Божиим – отсюда учеба, труд, ежедневное преодоление трудностей мира сего, жизнь как долг. Восточный обладает образом и подобием Божиим изначально, он спасен ныне и присно и во веки веков. Молись ... И тот и другой путь запутан как два разросшихся лабиринта, которые никогда не сойдутся. Уследить все тропы невозможно, сверху увидеть – не дано. Но если свести к архетипу, то он нам известен со школы – *Обломов* и *Штольц*» (Независимая газета 23.10.2003).

Антропонимы выступают в характеризующей функции, занимая в предложении позицию именной части сказуемого; они лишь указывают на соответствующие характеристики, но не на-

зывают их, что подтверждает предположение о том, что их семантика является общепонятной, не нуждающейся в специальном объяснении: «В отличие от коучинга в процессе самокоучинга вам нужно самостоятельно мобилизовать в себе внутреннего **Штольца**, а Обломова выжечь каленым железом» (Большой город 22.12.2005). «Беда только, что с Обломовым во мне борется **Штолец**. И пока он регулярно побеждает» (Профиль № 15. 2006). «Михалков часто повторял, что в душе он **Обломов**, но в жизни – **Штолец**» (Российская газета 21.10.2005). Семантический профиль «внутренний Штолец» составляют характеристики, которые в наивной картине мира русского языка мыслятся как «типично немецкие». Выделим основные аспекты профиля: бытовой (*аккуратный, точный, порядок, тщательный, скрупулезный, пунктуальный, экономный*), ментально-психологический (*рациональный, умный, прагматичный, активный, энергичный, уверенный, требовательный, дисциплинированный*), социальный (*деятельный, деловой, деловитый, работоспособный, действующие, профессиональный, успешный, удачливый*). Эквивалентами к антропониму *Штолец* выступают такие слова и словосочетания, как *немец, европеец, инородец, подданные Германии, западный человек, Запад* и др. С *Обломовым* ассоциируются слова *подданные России, Россия, русский гений, восточный человек* и др. Например: «Антон же – типичный **Штолец**. Он деловит, успешен, удачлив» (Новые известия 30.04.2004). «Кажется, что он везде успевает, и кое-кто уже подтрунивает: вот, мол, немец, совсем как **Штолец** из «Обломова»... (Литературная газета № 38. 2004). «Я и сам-то, когда мне выгодно, выдаю себя за Обломова, когда выгодно – за **Штольца**» (Труд № 196. 2005).

О высокой степени освоения антропонима в публицистическом дискурсе свидетельствуют окказионализмы, производящей основой которых выступает *Штолец*. Ср.: «То есть я могу представлять себе литературу и как отдельные тексты. Но в то же время я, если угодно, сторонник профессионального литераторства, которое само по себе предполагает существование неких проектов, планов и так далее. Я думаю, что некоторая **«штольцизация»** русской литературе не помешала бы» (Итоги 01.04.2000). «Бельведер на уровне 18-го этажа – самое то. Так что – строят экономно и практично, **по-штольцевски**, а бельведеры гордят **по-обломовски**. Что, в общем-то, вполне характеризует серединное питерское архитектурное сознание с его мечтательностью и леностью» (СПб. Собака. Ru № 31. 2003). Существительное *штольцизация* со словообразовательным значением процесса (*-цизация*) служит для выражения нового значения: 'повышение профессиональности литературного процесса, предполагающий составление пла-

нов, проектов'. Наречие *по-штольцевски* – призвано обозначить синкретический образ действия – 'экономно, практично'.

В наивной картине мира характеристики, закрепленные за антропонимами *Штолец* и *Обломов*, представляются как антонимические («невозможное сочетание – Штолец и Обломов»; «переосмысление конфликта Обломова и Штольца», «с Обломовым во мне борется Штолец» и т.д.). Сравнение со *Штольцем* может сопровождаться уступительными «метаязыковыми рефлексивами» (термин И.Т.Вепревой), отсылающими к распространенному мнению и общепринятой истине (ср.: «хотел бы быть Обломовым, но вынужден оставаться Штольцем»; «это тревожит не только нас, склонных любить Обломова более, нежели русского немца Штольца»; «Штольцы в России вызывают раздражение», «я – Штолец, как бы отвратительно это ни звучало» и т.д.). Уступительность формулировок связана с оценочными значениями рассматриваемых антропонимов, они займут центральное место в семантических профилях, рассмотренных ниже.

Антропоним Штолец может использоваться для положительной оценки характеристик личности, выделенных в профиле «внутренний Штолец». Семантический профиль «положительный Штолец» связан с оценкой социальных групп, наиболее востребованных и активных в современном российском обществе (они обозначаются, как *средний класс, предприниматели, российские бизнесмены, новые русские, олигархи, новые хозяева страны, идеал общественного русского деятеля, талантливый государственный деятель, чиновник, классический администратор, петербургский сановник, власти, постельцинская политика, В. Путин, Александр II, П. Столыпин, А. Солженицын, А. Кох и А. Чубайс*). Показательным является название статьи «Штолец с душой Обломова», рассказывающей о новой литературной премии под названием «Жизнь состоявшихся людей», присуждаемой роману, в котором положительно изображены такие герои, как коммерсант, бизнесмен, политехнолог, менеджер фирмы, банковский клерк и т.д. (Новая газета № 8. 2003).

Для формирующегося в России среднего класса характерна «ментальность Штольца», которая связывается с основными ценностями демократического общества (правовое государство, активная гражданская позиция, личная ответственность, свобода слова). Само понятие средний класс еще не приобрело однозначного значения (часты определения «так называемый», «быстро формирующийся в России») и вызывает потребность его объяснения потенциальному адресату. Ср.: «Вещание «Национальной телевизионной сети – ТЕЛЕ 6», если ему суждено состояться, будет ориентировано по преимуществу на так называемый средний

класс, быстро формирующийся в России, на его думающую, социально активную часть. У этой аудитории свои отчетливо осознаваемые интересы и не вполне традиционная для России ментальность. Выражаясь метафорически, это ментальность **Штольца**, а не **Обломова** ... Эта аудитория жизненно заинтересована в демократическом, светском и подлинно правовом государстве, в становлении и развитии норм и институтов гражданского общества» (Независимая газета 29.03.2002). В статье, под названием «Страна между Обломовым и Штольцем» (Аргументы и Факты №5. 2007), автор также связывает демократические ценности и интерес к предпринимательству именно со *Штольцем*, а растущее влияние бюрократии – с *Обломовым*.

В большинстве контекстов антропоним *Штольц* употребляется для положительного обозначения предпринимателей и других профессий, напрямую или косвенно связанных с коммерческой деятельностью. Выделенные социальные группы олицетворяют наиболее радикальные перемены в российском обществе, и наиболее живой отклик это находит в средствах массовой информации. В семантике рассматриваемого антропонима отразилось сосуществование противоположных точек зрения относительно стремления к материальному обогащению – его полное признание и такое же отрицание. Амбивалентность отношения к предпринимательской деятельности воплощается в различных жанрах современной массовой культуры [Бойм 2002, Рис 2005, Беляков, Серебренникова 2005, Милехина 2006, Осминская 2007]. «На примере разного рода общественно значимых событий и ритуалов в России как раз и можно увидеть эту способность старого сохраняться или преображаться в рамках новой культуры. В языке же повседневного общения мы можем наблюдать (вернее, слышать), как действует самый тонкий и всепроникающий – и, может быть, самый мощный – механизм воспроизводства культуры» [Рис 2005: 58]. Отсылка к каноническому литературному тексту связывается со стратегией повышения престижа того, о ком идет речь. Обращение к *Штольцу* как положительному персонажу русского литературного канона позволяет использовать его в качестве веского «оправдательного» аргумента в пользу новой социально-профессиональной группы, знака постепенного изменения массового отношения к утилитарным ценностям как таковым. Ср.: «А вот лучший друг Обломова **Штольц** если и может ассоциироваться с чем-то русским, то разве что с новым... русским. **Штольц** – он прямой, энергичный, правильный, и главное, очень прагматичный человек» (<http://www.polit.ru>). «Сегодня российские бизнесмены – воплощение расчетливости и респектабельности, **Штольцы** в стране Обломовых» (<http://www.kariera.org.ru>). «А что же видим теперь? Все поменялось. **Штольц** стал

новым русским. Обломов превратился в бомжа, опустился на дно жизни. Он уже никому не нужен – с его добротой, голубиной душой. Симпатии общества на стороне людей деятельных, преуспевающих» (Парламентская газета №168. 2004). «В мире бизнеса успешны **штольцы**, а не обломовы. Чтобы процветать, а не прозябать в нем, нужен трезвый, рациональный взгляд на окружающую действительность, умение разобраться в себе, способность адекватно ставить задачу (четкую, понятную, достижимую, измеримую, еще лучше пошаговую)» (<http://www.uhr.ru>).

Приведенные примеры связаны с часто обсуждаемой темой в средствах массовой информации: массовым стремлением (и насущной необходимостью) населения перекалцироваться из советского человека в человека делового. «Современные **Штольцы**» становятся символом происходящей ломки устоев, которая должна обеспечить долгожданные перемены. Обращение в дискурсе к *Штольцу* (и *Обломову*) можно рассматривать как поиск и формулировку «мифологемы героя» в пространстве нестабильного общества. Ср.: «В нашей жизни катастрофически не хватает порядочных **Штольцев**» (Новая газета 31.10.2005). «А сейчас как-то жизнь меня повернула ближе к **Штольцу**. Возможно, это есть в моей натуре. Работа настолько стала частью жизни, что свободные минуты я люблю проводить абсолютно пассивно» (Российская газета № 99. 2003). «Но уже появляются в России и свои **штольцы**» (Известия 12.11.2004). «Однако двигаться по прямому и прозрачному пути **Штольца** нам мешает не только нарушение российских порядков и странное правосознание самих блюстителей, но и само законодательство» (<http://www.advertology.ru>).

Следующий аспект семантики антропонима можно выявить на основе устойчивых сравнений известных политиков и общественных деятелей со *Штольцем*. В основе такой отсылки находится коммуникативная стратегия, призванная утвердить культурную преемственность в образе современника. Например, поведение и внешний облик Владимира Путина могут характеризоваться как «типично немецкие», что в свою очередь вызывает сравнение со *Штольцем*. Об устойчивости «немецких» ассоциаций может свидетельствовать название политической биографии «Владимир Путин. «Немец» в Кремле» (2004) политолога А. Рара. Ср.: «Русская коллективная психика жаждет **Штольца** – и она его получила: Путин. Он даже говорит по-немецки, – чего еще желать?» (<http://www.svobodanews.ru>). «Среди основных черт характера Владимира Путина, влияющих на его имидж, выделяется отсутствие харизмы, что является продолжением его личных достоинств: в отличие от прежних руководителей, он – не интуитивист, а рационалист, некое подобие **Штольца в Кремле**» ([140](http://www.</p></div><div data-bbox=)

warweb.ru). «Немецкость» Путина может объясняться его сознательной ориентацией на укоренившиеся стереотипы русского политического поведения, связанные с феноменом коллективной идентичности [Захарьин 2003: 106]. По мнению Д. Захарьина, в системе многоканальной коммуникации, учитывающей самые разные аспекты человеческого поведения, Путин следует конкретному историческому прототипу – Петру Первому [2003: 111-112]. В публицистическом дискурсе фиксируется момент перехода, смены: Обломов-Ельцин уходит на пенсию, удаляется на дачу, или просто его время проходит, и его место занимает, завоевывает Штольц-Путин. Такое развитие событий представляется как сугубо положительная и даже необходимая перемена. Ср.: «Я, по-моему, где-то уже писал про переход от «обломовствующих» к «штольствующим» (статья, по времени относящаяся ко времени избрания Путина на пост президента РФ) (<http://2001.vvp.ru>). «Еще несколько лет назад фигура, типа Путина, была неприемлема для России. Ельцинская обломовщина и барство гораздо милее русскому сердцу, чем немецкий прагматизм **Путина-Штольца**» (<http://www.businesspress.ru>). «Путин похож на **Штольца** из романа Гончарова «Обломов» ... Штольц – немецкий идеал энергичного, делового и аккуратного человека. В российской политике Обломов удалился к себе на дачу. **Штольц** имеет все возможности для завоевания Кремля» (<http://www.pressing.spb.ru>). «Энергичный, деятельный и «эффективный» **Штольц**, пришедший на смену глобально мыслящему, но мечтательному и неконкурентоспособному Обломову» (<http://www.informprostranstvo.ru>).

В качестве референтов антропонима *Штольц* могут выступать другие известные политики и общественные деятели. Отсылка к *Штольцу* призвана обозначить «нерусские» черты характера или стиль поведения личности, находящейся в центре общественного внимания, и тем самым сделать их более понятными (А. Кох и А. Чубайс). Составные наименования «*русский Штольц*» (о П.А. Столыпине), «*Штольц на троне*» (об Александр II) и «*почвенный Штольц*» (об А. Солженицыне) призваны обозначить «нетипичные» черты известного общественно-политического деятеля (в его традиционном представлении), в то же время подчеркивается их востребованность и ключевая роль в деятельности.

Как показали примеры, антропоним *Штольц* может использоваться в современном дискурсе не только для положительной оценки определенных качеств личности или группы лиц, но и для оценки изменений в экономике и обществе. Смысловым центром фигуры речи – уподобления и сравнения со *Штольцем* – становится положительная оценка происходящих перемен (они могут обозначаться как капитализм, рынок, экономика, работа, современная

жизнь и т.д.). Приведем фрагмент такого оценочного метатекста: «в нашей жизни катастрофически не хватает порядочных Штольцев»; «в общем, сначала у всех была надежда – вот они, наши Штольцы!»; «в России появляются новые Штольцы»; «но уже появляются в России и свои штольцы»; «а сейчас как-то жизнь меня повернула ближе к Штольцу»; «рынок настойчиво заставляет жить по Штольцу»; «раньше был свой Штольц, теперь импортного завезем»; «надо становиться Штольцем»; «по-настоящему время Штольца пришло только сейчас»; «современный Штольц»; «новые Штольцы»; «значит штольцы уже побеждают»; «нужна новая модель развития ... переход от Обломова к Штольцу»; «русский немец Штольц остался жить и продолжать делать свой бизнес»; «на территории победившего коллективного Штольца» (о современной России).

Соотносимый семантический профиль антропонима *Обломов* связывается с типичными чертами «национального характера» (*мы, интеллигенция, Россия*), которые видятся как «неконкурентоспособные» и от которых надо избавиться. Характеристики, ассоциируемые со *Штольцем*, могут выражаться при помощи механической метафоры. Ср.: «в российской государственной машине небольшая, но важная шестеренка – среднего ранга чиновник», «блестяще отполированный, четкий русский европеец», «великолепная административная машина». Метафора пути, поворота и восхождения, а также появление новых хозяев страны, новых людей, их острой нехватки, необходимости и затем появления, связанная со *Штольцем* и *Обломовым* в современном дискурсе сохраняет генетическую связь с риторическими фигурами языка советской публицистики.

Следующий семантический профиль – «отрицательный Штольц» – также является развитием аспектов профиля «внутренний Штольц». Со *Штольцем* связываются личностные характеристики, чуждые «национальному характеру», каким он видится в наивной картине мира. С антропонимом *Обломов*, наоборот, связываются представления об исконном «национальном характере» (ср. *россиянин, национальный характер российский, отечественная интеллигенция, тип «нашего человека», все русские, мой герой; народ, состоящий сплошь из Обломовых*). Семантический профиль «отрицательный Штольц», выделенный на материале публицистики, может быть представлен в ряду интерпретаций романа в других жанрах искусства. В контекстах употребления антропонима в публицистике констатируется «нелюбовь к Штольцу» («вечно недолюбливаемым в нашей культуре Штольцем», «воспринимается как нечто ограниченное», «Обломов ... заведомо выше Штольца, «Штольцев в России не любят», «приходится быть Штольцем», «Штольц никогда не вознесется в наших сердцах выше

созерцателя Обломова»). Ср.: «Возьмём Гончарова: казалось бы, какой герой из ленивого, барственного Обломова? Вот деловой, активный **Штольц** – это да. Тем не менее именно ленивый барин воплощает в себе начало доброты, здравого смысла и каких-то высших ценностей, а **Штольц**, которому эти высшие ценности чужды, воспринимается как нечто ограниченное» (Аргументы и факты № 30. 2006).

Тематически можно выделить два типа контекстов, в которых выявляется отрицательный профиль: стремление к материальному благополучию противоречит национальному характеру, материальное благополучие связано с нарушением этических норм. «Отрицательный Штольц», как представляется, является следствием традиционной точки зрения противопоставляющей материальные и духовные ценности. По мысли В.В. Колесова, исторически сложившимися характеристиками русского этноса, восходящими к истокам русской идеалистической философии (А. Хомякова, Вл. Соловьева, Н. Бердяева), являются отрицание прагматической предприимчивости, расчета, коммерческой хватки, враждебное отношение к практицизму и позитивизму [Колесов 1991: 15]. «Современные Штольцы» выступают символом происходящих социальных и политических перемен (также, как и в профиле «Положительный Штольц»), но исходной является их отрицательная оценка. Ср.: «По этому же миропоиманию добродетельный и работоспособный **Штольц** никогда не вознесется в наших сердцах выше созерцателя **Обломова**. По этой же причине, наверно, безуспешны все усилия по внедрению в наши умы протестантской этики и буржуазных добродетелей. То есть все копошащиеся, деловитые, наживающие капиталы все-таки не войдут в российский «пантеон», будут только **«новыми штольцами»...**» (Пермские новости №8. 2002). «Кто нужнее, **Штольц** или Обломов? Народ, состоящий сплошь из Обломовых, выглядит слишком уж мягким для нашего кипучего времени. Но жить исключительно среди **Штольцев?**...Что было бы с государством – бери шире, с цивилизацией, – состоящей целиком из людей умственно и физически активных, не тратящих впустую ни минуты, неукоснительно строящих жизнь на разумных началах?..» (Компьютерра №39. 2003).

Эдвард Радзинский, современный историк и публицист, в интервью использует антропоним *Штольц* для характеристики «русского национального характера» от противного: с его точки зрения «новые русские» и их жизненная позиция, ориентированная на достижение материальных благ, оказавшаяся в центре общественного внимания, противоречат исконному, народному мировоззрению: «...Идея несправедности любого богатства – очень народная идея. И оттого телевидение, постоянно показывая жизнь новых русских, делает весьма опасную работу. Россия – не колбасная страна, не стра-

на **Штольца**. И духовность, важность идеологии остается» (Аргументы и факты № 16. 2005). Елена Ямпольская, редактор отдела культуры газеты «Известия», озаглавила свое эссе «Штольцевщина». Приведем его фрагмент: «...Фаст-фуд и фаст-слипинг – стиль нашего времени, язва и бессонница – воздаяние за труды ...Современный мир подмят и покорен **штольцами**, мы сами – кто по духу, кто в силу обстоятельств – сплошные **штольцы**. Последних, подневольных, больше. Из уст в уста передается bon mot: «Я – Обломов, вынужденный быть Штольцем»... Бесчисленные **штольцы**, туристы и негоцианты, мечутся между Италией и Швейцарией, на неделю отлучаются из Парижа в Лондон, на сутки летят из Питера в Киев ... **Штольцевщина** имеет границы, обломовщина беспредельна. Каким ни будь деловым и предприимчивым, сколько ни колеси по миру, как ни загоняй себя пинками в спортклуб, однако во дни сомнений и тягостных раздумий все равно подкрадется малодушная мысль: а не залечь ли? Ну их всех к шутам...» (Известия 18.06.07). В семантической структуре слова *штольцевщина* (по аналогии с *обломовщина*) на первый план выступает компонент отрицательной оценки, эксплицируемый словообразовательным элементом *-щина*. По мнению журналистки, слово *штольцевщина* необходимо для обобщения характеристик «стиля нашего времени», противоречащего «национальной философии жизни».

Для выражения отрицательной оценки и усиления «эфекта острашения» пишущие используют метафоры, связанные с животным и телесным миром («*копошащиеся*», «*нравственное одичание*», «*люди с железной хваткой Штольца*»; «*волчья хватка таких штольцев*», «*зубастый практицизм*», «*зачем сегодня нужно бежать за стадом баранов-бизнесменов*», «*паутина технологий успеха*», «*чем крепче прорастает в нас Штольц*»; «*Штольц – насекомое, вечно снующее из улья на луг и обратно*»). Кроме этого, действия, ассоциируемые со *Штольцем*, могут уподобляться стихийному бедствию, подчеркивается их насильственный и неподконтрольный характер («*Штольцы сегодня хлынули в Россию*», «*Современный мир подмят и покорен штольцами*»).

В семантическом профиле «отрицательный Штольц» происходит перегруппировка аспектов по сравнению с предыдущим профилем («положительный Штольц»): социальные и бытовые характеристики противопоставляются этическим, которые в данном случае несут «ущербный» характер. Антропоним *Штольц* необходим пишущим для отрицания ценности материального обогащения; происходит активизация культурного сценария, выявленного не раз в отечественной философии и художественной литературе: «стремление к материальному богатству есть тонкий индикатор аморальности, отказа от святых и разрыва связи с ближним»

[Рис 2005: 231]. Ср.: «Мы восторгаемся деятельным, созидательным подходом **штольцев**, усилиями и творческой энергией которых прирастает богатство страны. Мы ничтоже сумняшеся принимаем, что это и есть самый что ни на есть верный путь для всего человечества. Путь, несомненно, верный, но путь – куда? В тихую заводь западного благополучия и мечанского самодовольства, делающего душу все менее и менее чувствительной к призывам высшего порядка» (<http://www.russia-hc.ru>). В исследовании, посвященном образу предпринимателя в современном языковом сознании, также подчеркивается, что он располагается в одной группе с такими номинациями, как обманщик, махинатор, мошенник, аферист, пройдоха, шулер, делец, деляга, карьерист, ему приписывают негативные человеческие качества, такие, как хитрость, ловкость, беспринципность, жадность [Милехина 2005]. Приведем фрагмент оценочного метатекста данного профиля: «торгашеский прагматизм Штольца»; «пришли современные Штольцы и наживают себе капиталы»; «активные преобразователи Штольцы, срывающие все плоды цивилизации без разбора»; «всеобщее ожесточение и опасное упрощение человеческих отношений», «штольцевщина – главный исток бездуховности, зубастого практицизма» и т.д.

Неприятие «современных штольцев» предполагает по крайней мере сочувствующее отношение к *Обломову*. И действительно, *Обломов* наделяется характеристиками сугубо положительными, в качестве особо значимых выделяются его этические качества («честное, верное сердце *Обломова*»; «это природное золото», к которому не пристали ни ложь, ни грязь»; «начало доброты, здравого смысла и каких-то высших ценностей»; «он понятнее, человечнее»; «доверительность и теплота отношений»; «добродушный и чуткий»). Выделенный семантический профиль антропонима *Обломов* в современном дискурсе, совпадает со значением другого культурно значимого антропонима – *Ивана-Дурака* (*Иванушки-Дурачка*). *Иван-дурак* «выступает как собирательный образ, отражающий специфические представления о типичном национальном положительном герое. Неприглядный внешний облик, чудаковатость, «непутевость», неспособленность *Ивана-Дурака* компенсируется его добротой, готовностью прийти на помощь, отсутствием стремления к личной выгоде, за что он вознаграждается в конце сказки. В представлении русских *Иван-Дурак* связывается с положительным началом и имеет позитивную оценку» [Русское культурное пространство... 2004: 199-200]. В современном дискурсе происходит своеобразное оживление мифологемы традиционного героя. «Элементы фольклора – характерные языковые структуры, стилистические приемы, персонажи, темы, логика, на-

строение – пусть и в скрытой и фрагментарной форме, но всегда присутствуют в современной русской речи, как устной, так и письменной. Больше того, без обращения к фольклорным «предкам» и «родственникам» смысл многих речевых произведений попросту остается закрытым» [Рис 2005: 78].

Проанализированные фрагменты современного дискурса, показали, что не только антропоним *Обломов*, но и имя другого героя романа, *Штольца*, вышло за пределы художественного произведения. Особенности семантизации антропонима *Штольц* современниками позволили выявить три семантических профиля рассматриваемого имени: «внутренний Штольц» – для обозначения определенных качеств личности, «положительный Штольц» и «отрицательный Штольц» – для осмысления, обозначения и оценки происходящих социально-политических перемен. Семантические профили антропонима Штольц могут быть рассмотрены как часть процессов формирования и формулировки мифологемы героя. Семантика антропонимов *Штольц* и *Обломов* оказалась вовлечена в процессы осмысления происходящих перемен в современном обществе: вслед за Д.Б. Гудковым, можно сказать, что, оставаясь знаками конкретных «культурных предметов», рассмотренные антропонимы выступают как символы национальной культуры, они выходят далеко за пределы простых указаний на текст или ситуацию, служат отражением типов людей, определенных парадигм сознания и поведения, выступают как их символы, причем символы, детерминированные национальной культурой и в определенном смысле детерминирующие национальную культуру [Гудков 1999: 104].

ЛИТЕРАТУРА

- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике [Перевод с польск.] – М.: Индрик, 2005.
- Беляков В., Серебренникова Е.Ф. О концептуальных основаниях семантических изменений слова *олигарх* // Russian Linguistics. 2005. Vol. 29. Issue 3. (Nov.). P. 365-382.
- Березович Е.Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции (к изучению культурных коннотаций русских топонимов) // Славяноведение. 2002. № 6. С. 60-71.
- Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф» становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С.186-204.
- Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни [Отв. ред В.Е. Багно] – СПб.: Наука, 2003.
- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999.

Захарьин Д. Путин и Петр Первый. Стереотипы русского политического поведения в системе многоканальной коммуникации // Wiener Slawistischer Almanach. 2003. Band 49. С. 93-114.

Колесов В.В. Язык города. – М.: Высшая школа, 1991.

Краснощекова Е. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. – СПб.: «Пушкинский фонд», 1997.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997.

Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век URL: (<http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm>). (дата обращения: 12.09.2007)

Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых структур): Автореф. дис... докт. филол. наук. – Саратов, 2006.

Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа / Мифы и мифология в современной России. – М.: АИРО-XX, 2000. С. 17-38.

Осминская Н. Из рассказов о новых людях: образ предпринимателей в российской прессе 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.

Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 55-72.

Парамонов Б. Трава родины, или Сталь и шлак // Октябрь. 2003. № 2.

Рар А. Владимир Путин. «Немец» в Кремле. – М.: Олма-Пресс, 2004.

Рис Н. «Русские разговоры»: культура и речевая повседневность перестройки. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый [И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных] – М., 2004.

Сергеева Г.Г. Национально-прецедентные имена в восприятии подростков // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 27-34.

Туркина В.Г. Мифологема массового героя и массовое сознание. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Саратов, 2001.

Хазагеров Г. Что слышит слушающий // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_47.html (дата обращения 23.05.2007)

Шенк Ф.Б. Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории (1263-1998) // Ab Imperio. 2001.1/2. С. 141-164.

Шюманн Д. Бессмертный Обломов. О внелитературной жизни литературного героя // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 113-123.

© Попова Н.П., 2010